

Он выглядел совершенно спокойным, с улыбкой на лице, и, повернувшись к Люй Ци, спросил:

— Ты видела, что было в коробке?

Люй Ци покачала головой. Она не успела посмотреть, как Цзян Юань быстро закрыл коробку.

— В последние дни в резиденции много чего происходило. Цзинь Инь сегодня утром искала тебя для сверки счетов. Может, зайдешь к ней?

Люй Ци кивнула и вышла, не взглянув больше на коробку, но Цзян Юань почувствовал, что она улыбается.

Она улыбнулась? Нет, вряд ли.

... Она не видела, правда? Как она могла видеть? Не видела, наверное.

Мне кажется, она улыбнулась. Наверное, она действительно улыбнулась.

Цзян Юань закрыл глаза и провел рукой по лбу.

Самое главное, что это подарок от Цзи Цзюэ.

... Как я мог быть таким неосторожным?

Цзян Юань попытался вспомнить, каким он выглядел в глазах Цзи Цзюэ.

«За годы правления Его Величества были наведены порядки в управлении, созданы пограничные гарнизоны, проведены успешные военные кампании, и его власть простиралась на все стороны света».

Цзян Юань, чья власть простиралась на все стороны света, взял в руки две книги, которые даже третьесортными назвать было сложно.

Он поднял голову, положил книги на лицо и замер, словно перестал дышать.

После Цинмина Цзи Цзюэ начал свою службу в Академии Ханьлинь.

Тан Ань получил должность редактора, а Цзи Цзюэ и Фан Лан — составителей. Хотя эти двое еще не вернулись в столицу, Цзи Цзюэ уже приступил к работе.

Они занимались редактированием исторических записей предыдущей династии, и эта работа была гораздо легче, чем ведение счетов в резиденции Цзян Юаня.

Академия Ханьлинь была местом уважаемым, хотя и скромным, но коллеги были неплохими. Однако, хотя истинные ученые не делятся на партии, фракции все же существовали.

Цзи Цзюэ ни к кому не примыкал, и, хотя это не делало его изгоем, он все же оставался несколько обособленным.

Когда Тан Ань и Фан Лан вернулись в столицу и приступили к своим обязанностям, в кабинетах стало больше жизни.

Однажды, после окончания работы, Тан Ань устроил банкет в квартале Аньлэ, пригласив всех коллег, чтобы отпраздновать начало их совместной работы и укрепить отношения.

Цзи Цзюэ присоединился к застолью, и после первого круга тостов на сцене началось представление.

— Сновидение, где поют соловьи, повсюду разливается свет...

Это была десятая сцена из «Пионового павильона». На сцене актриса, игравшая главную роль, была украшена сверкающим головным убором, но его блеск не мог затмить сияние ее глаз.

«Добавь бровям изящества, укрась жемчугами, и на ширме появится портрет прекрасной дамы» — как сказал в пьесе Чэнь Цзуйлян.

Ее голос, мягкий и мелодичный, сразу дал понять, что на сцене настоящая мастерица.

Тан Ань, одетый в светло-голубую рубашку ученого, размахивал веером с рисунком тушью и даже подпевал.

— У Цзынина прекрасный голос, — с улыбкой заметил Фан Лан.

Тан Ань поклонился и ответил:

— Не смейтесь надо мной. Голос — это одно, но истинное мастерство — совсем другое. Сравнивать меня с настоящими мастерами — все равно что показывать топор перед воротами Лу Баня.

Цзи Цзюэ, слушая пение, спросил:

— Кто эта актриса?

— Разве ты не знаешь? Это знаменитая Лю Циньин.

Цзи Цзюэ снова посмотрел на сцену, где актриса, «остановившись на мгновение, поправляла цветы в волосах», подошла к кульминации сцены.

Ее глаза, словно две капли воды, могли заставить любого, кто увидит их хоть раз, запомнить навсегда.

— Лю Циньин? — спросил он.

Остальные кивнули.

После нескольких кругов вина все слегка опьянели. На сцене закончилась сцена «Прогулка по саду», и началась «Сцена сновидения», где пели о красных персиках.

Пробираясь через клумбы с пионами, актриса произносила слова, которые могли быть сказаны только во сне, и явно смущалась.

Она притворилась смущенной, обняла себя, а затем оттолкнула.

Затем Лю Циньин, игравший мужскую роль, обнял Ли Нян и ушел со сцены, а на сцену вышел бог цветов.

Актриса, игравшая главную роль, в этот момент, казалось, посмотрела на Цзи Цзюэ, и этот взгляд, совершенно не соответствующий образу благородной дамы, был наполнен легкой кокетливостью.

Все были уже достаточно пьяны, и разговор стал более свободным.

— Чтобы пригласить его, я потратил немало денег, — сказал Тан Ань. — Он сам выбирает сцены и поет только две.

— У него действительно такой большой размах? — с интересом спросил Фан Лан, глядя на сцену.

— Он только что обзавелся покровителем, поэтому и размах большой, — Тан Ань был хорошо осведомлен.

— Правда?

— Несколько дней назад пятый принц публично унизил второго принца из-за него.

— Я об этом не слышал, — удивился Фан Лан.

— Тогда ты был занят подготовкой к экзаменам, поэтому не заметил таких мелочей. Я же был не так занят и кое-что слышал. — Тан Ань снова поднял бокал.

— Так он теперь с пятым принцем? — с поддельным удивлением спросил Цзи Цзюэ.

— Нет, он ушел ко второму принцу. Некоторое время он не пел, а сегодня снова вышел на сцену, и голос его звучал так, будто он никогда не прерывался.

В разговоре и поднимании бокалов прошло больше часа, и две сцены закончились.

Лю Циньин снял грим, переоделся в обычную одежду и пришел поприветствовать гостей. Цзи Цзюэ наконец смог рассмотреть его.

Он зачесал волосы, надел длинное белое платье с зеленой окантовкой, и на нем не было никаких украшений, что подчеркивало его изысканную красоту. Его лицо было прекрасным, губы красными, а глаза, словно две капли воды, добавляли ему необъяснимого очарования.

Тан Ань, увидев его вживую, подумал, что такой человек действительно заслуживает своего высокого положения.

Банкет прошел весело, и когда гости стали расходиться, уже смеркалось.

Все попрощались, и Цянь Эрлан пришел за Цзи Цзюэ.

Перед уходом Цзи Цзюэ еще раз посмотрел на сцену и вышел из театра.

— На что смотришь? — спросил Цянь Эрлан.

— Сегодня видел звезду театра.

Театр в квартале Аньлэ назывался просто «Театр». Он назывался «Театр», и другие театры не смели так называться.

— Говорят, он самый красивый в столице. Это правда?

Цзи Цзюэ кивнул.

Цянь Эрлан цокнул языком и с сожалением сказал:

— Я видел только Лю Шу, но еще не видел его.

— Наверное, увидишь? — сказал Цзи Цзюэ.

А в это время самый красивый человек в столице, Лю Цинъин, кормил своих голубей.

Он небрежно распустил волосы, присел перед клеткой и, похоже, был в хорошем настроении.

Голуби хлопали крыльями, и он даже хотел выпустить пару.

Служанка подошла к нему и тихо сказала:

— Господин, Его Высочество приехал за вами.

Лю Цинъин поднял голову и увидел второго принца, который смотрел на него с угрюмым лицом.

Лю Цинъин посмотрел в глаза Цзян Ляня.

И лицо Цзян Ляня смягчилось.

Он тоже присел и стал помогать Лю Цинъину кормить голубей.

— Ты только что поправил голос, а уже снова поешь, а?

Лю Цинъин отвернулся.

— Почему ты не можешь остаться в резиденции и петь только для меня?

Лю Цинъин не очень хотел петь только для Цзян Ляня.

Этот голос с детства вращивался грушевой водой и яичным белком. Когда он когда-либо был таким хриплым?

Он пристально посмотрел на Цзян Ляня и произнес:

— Ваше Высочество, вам лучше помечтать.

Когда он не пел женские роли, его голос был мягким и нежным, как весенний ветерок. Произносить такие насмешливые слова таким голосом было немного странно, но достаточно, чтобы разозлить.

Цзян Лянь взял его лицо в руки, его глаза были темными и невыразительными.

— Повтори, — сказал Цзян Лянь, — и ты действительно больше не сможешь петь на сцене.

Лю Цинъин положил подбородок на руку Цзян Ляня и сказал:

— Ваше Высочество, вам лучше помечтать.

Он хорошо играл на сцене, и его глаза были живыми. В этот момент в них не было покорности, а лишь дерзкий вызов.

Цзян Лянь заметил, что на уголке его глаза снова была нанесена тонкая линия краски, слегка поднятая вверх и с легким оттенком красного.

... Именно таким он его любил.

Он подхватил Лю Циньина на руки.

— У тебя в гримерке есть свадебный наряд. Надень его для меня.

Лю Циньин помнил, что в гримерке был не только свадебный наряд, но и стол из грушевого дерева.

Он усмехнулся — и это было потрясающе красиво.

Цзи Цзюэ, послушав «Сновидение», вернулся домой и крепко уснул.

Возможно, из-за того, что на сцене все было связано с мечтами, он снова увидел тот сон, который давно не снился.

Во сне женщина с неразличимым лицом держала на руках младенца и напевала песню, популярную в столице много лет назад.

Она пела долго, пока туман не скрыл ее.

Пожилой мужчина в нефритовой короне, выглядевший очень властно, открывал и закрывал рот. Цзи Цзюэ старался расслышать, что он говорит, но не мог.

Цзян Юань медленно шел к нему... Нет, это был Его Величество, медленно шедший к нему.

Его Величество был одет в одежду с черным и красным узором и что-то рисовал за столом.

Он был очень сосредоточен, и Цзи Цзюэ, подперев голову рукой, гадал, когда же Его Величество поднимет голову, посмотрит на него и улыбнется.

Его Величество упал в объятия Цзи Цзюэ.

Он смотрел на Цзи Цзюэ, и в его глазах была необъяснимая эмоция.

Вокруг них разливалось море красных персиковых цветов.

<http://bllate.org/book/16201/1454108>